

**АНТРОПОЛОГИЯ СМЕХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО
(1846–1859 годы): К ВОПРОСУ О «СМЕХОВОМ ПОРТРЕТЕ»**

В статье рассматривается один из аспектов создания «смеховых портретов» в художественной прозе Ф. М. Достоевского, а именно – телесность смеха персонажей писателя в свете ее характерологической функции. Анализируются средства и приемы, используемые писателем для описания смеха персонажей. Определяется специфика механизма проявления данной эмоции в анализируемых текстах автора.

Как известно, при создании характеров писателями используется широкая палитра средств, направленных на выявление сущности описываемого персонажа. Сюда относятся портретные описания и вещный мир, поступки и речь героя, не последнее место в обрисовке характера занимает смех.

Изучением художественного мира Ф. М. Достоевского занимались и занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Рассмотрению интересующего нас вопроса отводили место в своих работах М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, И. А. Аврамец, Б. О. Дземидок, Н. Дзюбинская, В. Н. Кунильский, Л. М. Розенблюм, М. Л. Спивак, В. И. Новиков, Е. Г. Кабакова, Р. Я. Клейман, С. Нельс, Р. Н. Поддубная, Р. Поуп, Ю. М. Тынянов и др.¹

В исследуемых текстах Ф. М. Достоевского² стихия смеха занимает важное место. Эмоция проявляется как при участии конструкций, вводящих реплики персонажа, так и с помощью развернутых описаний смеха, призванных прояснить специфические особенности механизма проявления данной эмоции у того или иного персонажа.

В конструкциях, описывающих смех в исследуемых произведениях писателя, часто на первый план выступает телесность, оставляя в тени «моральный» и интеллектуальный компоненты эмоции. В описаниях смеха сочетаются разнородные элементы, связанные с телесным началом: мимика и жесты – с одной стороны, и звуковая сторона смеха – с другой. В данной статье мы постараемся проанализировать основные специфические особенности конструкций, описывающих проявления смеха в исследуемых произведениях писателя.

Сила изобразительности Достоевского проявилась во всех элементах его поэтики – от описания характеров до художественной детали. Особое место в художественном мире писателя принадлежит изображению звука, который может иметь не только семантическую нагрузку, но и эмоционально-психологическую и экспрессивную окраску. Звуки одного голоса, либо голосов, сливающихся в хоре, напряженные звуки криков, стонов, смеха, воплей часто передают удивительную по силе выразительности гамму переживаний.

С. М. Соловьев в монографии «Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского»³ подчеркивает важность описаний речи и голоса в произведениях писателя: «Не оперная <...> музыка привлекает Достоевского, нет – от сложной музыки, созданной профессионалами, он идет к самобытной <...> и в конце концов приходит к естественному человеческому голосу, как выражению внутренних, глубинных переживаний человека. Чутко, почти болезненно

различает он множество звуковых оттенков, словно утверждая, что и немелодические звуки обладают огромной значимостью в общей системе человеческого восприятия, самовыражения, общения»⁴.

Своеобразную черту изобразительности Достоевского составляет напряженный звук, в том числе и при изображении смеха. В мире персонажей Достоевского мы словно переходим в такую звуковую сферу, где, прежде всего, удивляет напряженность звука. Но не только звуковая интенсивность поражает в смехе персонажей писателя, наше внимание приковывается к подчеркнутой телесности смеха, к его внешней стороне.

С. М. Соловьев, анализируя звуковую сторону произведений Достоевского, указывает, что очень часто при описании звуков речи писателем используются не совсем обычные определения, характеризующие речь. Персонажи могут «вопить», «визжать», «взвизгивать», «скрежетать» и «скалить зубы», «реветь» и «выть». Подобные лексемы употребляются и при изображении смеха.

Приведенные выше наблюдения С. М. Соловьева касаются, прежде всего, звуков речи. Относительно же звуковой стороны смеха критик делает замечание, что «...его персонажи в большинстве случаев смеются не настоящим, а злобным, раздраженным смехом или иронически хихикают»⁵, и далее – «это смех театрализованный, искусственный, наигранный, смех “на зрителя”, для создания определенного впечатления»⁶.

Мы бы хотели не согласиться с данным тезисом, так как, во-первых, указание на «ненастоящность», искусственность смеха писателем дается отдельно. Например, Фома Фомич говорит, «...слегка побледнев и улыбаясь с натугой»⁷ [3. С. 75]⁸; Обноскин «...улыбался с какою-то выделанною язвительностью...» [3. С. 43].

Во-вторых, и злой или иронический смех может быть искренним, когда персонаж испытывает желание высмеять, унижить или даже «убить» другого смехом. У Мурина «злая улыбка», для него же характерен «...дьявольский, убивающий, леденящий хохот...» [1. С. 310]; рассказчик из рассказа «Елка и свадьба», желая осмеять Юлиана Мастаковича «...захохотал во все горло» [2. С. 99]; Петр Александрович смотрит на жену со «зловещей улыбкой».

А в-третьих, помимо искусственного, натянутого (по терминологии Соловьева), «ненастоящего» смеха, в произведениях Достоевского очень часто встречаются самые чистые улыбки и подобные искренние проявления этой эмоции.

Так, «...простодушная улыбка блестела на губах...» [2. С. 255] Александры Михайловны; Егор Ильич Ростанев характеризуется как человек «...с откровенным, раскатистым смехом...» [3. С. 5] и добродушной улыбкой; Татьяна Ивановна «...принималась смеяться самым простодушным, самым детски-веселым смехом» [3. С. 44].

Таким образом, мы видим, что «смеховой диапазон» в исследуемых текстах Достоевского достаточно широк: в нем встречается как злая ирония и сарказм, так и добрый смех и искренняя улыбка, как вымученные искусственные гримасы смеха, так и искренние улыбки и раскаты добродушного хохота.

Но смех может не только «звучать», он бывает и неслышным, «про себя». Такой смех описывается Достоевским в «Двойнике», когда «...господин Голядкин <...> залился тихим, неслышным смехом...» [1. С. 112]; после «эффектного» появления Коровкина Фома Опискин «...начал понемногу, молча и неслышно, хихикать» [3. С. 157]; Мурин «...злобно и неслышно захохотал...» [1. С. 306].

Многочисленные примеры описания смеха показывают, что Достоевский внимательно прислушивался ко всем проявлениям человека, в том числе к его голосу и смеху, писатель различал в них множество оттенков, используя для их описания все многообразие средств своей палитры.

Далее критик отмечает, что «даже при самом поверхностном анализе напряженного звукоряда в романах Достоевского становится очевидно, что важнейшее место после криков занимают вопящие звуки и вопли. Вслед за этим несколько реже, но тоже очень часто следуют визги и скрежет зубовой»⁹.

Обилие «визгов» у многих персонажей Достоевского отображает нервозность и некое возбуждение, в котором они пребывают, передает своеобразную резкость звуковой атмосферы, а также, помимо перечисленных функций, снижает образ, «отелеснивает» смех, лишает его гармоничности.

Визжание у людей в повседневной жизни проявляется обычно редко – лишь в состоянии иступления, чрезвычайных переживаний. Иначе обстоит дело в текстах писателя. Его персонажи очень легко переходят в напряженные эмоциональные состояния. Подобные «переходы» очень часто сопровождаются визгом. Но нужно отметить, что подобные звуки издают не самые симпатичные автору персонажи. Так, например, Анфиса Петровна Обноскина «...упав на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь веером» [3. С. 74].

Своеобразным продолжением криков и визгов часто является оскаливание зубов, представляющее собой крайний вариант «отелеснивания» смеха. От всей совокупности «смеховых» характеристик¹⁰ в оскале остается только одна физиология, эмоция заменяется маской, на свет выходит искусственность подобного смеха.

Такое проявление смеха характерно для многих персонажей. Беспрепятственно скалит зубы Обноскин: «Все переглянулись, а Обноскин даже оскалил зубы, что ужасно мне не понравилось» [3. С. 45]. Кланяется и скалит зубы при своем первом появлении Ежевикин.

Очень часто описания смеха у Достоевского отличаются резкостью, напряженностью, а иногда даже грубостью: «Дама металась из стороны в сторону на диване от смеха» [2. С. 79]; «...подхватила Катерина, засмеявшись с натугой...» [1. С. 306]; «...прохрипел толстяк, захлебываясь от смеха...» [3. С. 22]; «...дама <...> хохотала как иступленная» [2. С. 64]; «...она с безумным смехом бросилась на шею к мадам Леотар...» [2. С. 211]; «...закричала девушка, захохотав так, как будто ей целый год не удавалось смеяться» [2. С. 111].

Уже и в небольшом количестве перечисленных примеров мы можем видеть, каким многообразием оттенков и полутонов характеризуется проявление смеха в произведениях Достоевского. Нужно сказать, что писатель часто снабжает смех своих персонажей качественными характеристиками, указывающими на специфические особенности проявления этой эмоции.

Своеобразие портрета в произведениях Достоевского, как неоднократно отмечалось исследователями творчества писателя, – в сложности и противоречивости природы человека¹¹. Вместе с другими признаками перехода к иной части своего «я», смены состояния психики человек меняет и свой голос, и характер своего смеха.

Подобные моменты «перехода» мы можем видеть во многих ситуациях: «...повеселела и генеральша, хотя все еще выражение оскорбленного достоинства сохранялось в лице ее» [3. С. 157]; «Какая-то странная улыбка медленно появилась на ее губах, словно смех пробивался сквозь эту улыбку» [1. С. 300];

«Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородок ее дрожал и грудь все еще колыхалась» [2. С. 131].

Писатель показывает нам, что различным свойствам человеческого характера соответствуют разные виды смеха, и, когда человек касается каких-то других сторон своего глубинного «я», в нем просыпаются иные эмоции, чувства, страсти.

Анализ конструкций, описывающих смех, показал, что смех персонажей в произведениях Достоевского является сложным и многоаспектным феноменом, способным охарактеризовать и указать на многие скрытые нюансы сущности героя, открыть в нем новые стороны. Специфичной чертой смеха персонажей является его подчеркнутая, нарочитая телесность. Достоевский не только утверждает своих героев в определенных «смеховых статусах», но и акцентирует внимание на внешности смеющегося, вводя смех в число таких необходимых для портретной характеристики человека элементов, как мимика, жест, детали одежды и т. п.

Примечания

¹ См.: Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1979; Его же: Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990; Кунильский, В. Н. Смех в мире Достоевского / В. Н. Кунильский. – Петрозаводск, 1994; Розенблюм, Л. Юмор Достоевского / Л. Розенблюм // Вопр. лит. – 1999. – Янв.–февр. – С. 141–189; Спивак, М. Л. Место и функция смеха в творчестве Достоевского / М. Л. Спивак // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1986. – № 5. Сент.–окт. – С. 70–77; Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М., 1989. – С. 217–226; Клейман, Р. Я. Мениппейные традиции и реминисценции в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Р. Я. Клейман // Достоевский : матер. и исслед. – Т. 9. – Л., 1991. – С. 223–230; Альтман, М. С. Достоевский : по вехам имен / М. С. Альтман. – Саратов, 1975. – 280 с.; Его же: Топонимия Достоевского / М. С. Альтман // Достоевский : матер. и исслед. – Т. 2. – Л., 1976. – С. 51–56; Белов, С. В. Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского / С. В. Белов // Рус. речь. – 1976. – № 5. – С. 27–32; Переверзев, В. Ф. У истоков русского реализма / В. Ф. Переверзев. – М., 1989. – С. 455–662; Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1959; Гроссман, Л. П. Достоевский-художник / Л. П. Гроссман // Творчество Ф. М. Достоевского. – М., 1959. – С. 330–416; Чирков, Н. М. О стиле Достоевского / Н. М. Чирков. – М., 1964. – 158 с.; Тынянов, Ю. Н. Достоевский и Гоголь : к теории пародии / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино; Дзюбинская, Н. Шутовской «мезальянс» у Достоевского и Андрея Белого / Н. Дзюбинская // Лит. учеба. – 1980. – № 4. – С. 176–184; Кабакова, Е. Г. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / Е. Г. Кабакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2, Филология. – 1997. – № 1. – С. 92–102; Клейман, Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе / Р. Я. Клейман. – Кишинев, 1985. – 201 с.; Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979; Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. – Л., 1984. – 295 с.; Нельс, С. «Комический мученик» / С. Нельс // Рус. лит. – 1972. – № 2. – С. 125–133 и др.

² См.: Исследованию подвергались следующие тексты писателя: «Бедные люди»,

«Двойник», «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Белые ночи», «Елка и свадьба», «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Чужая жена и муж под кроватью», «Неточка Незванова», «Маленький герой», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели».

³ См.: Соловьев, С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского / С. М. Соловьев. – М., 1979. – 352 с.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ Там же. С. 314.

⁶ Там же.

⁷ Далее в статье, если не отмечено отдельно, курсив наш. – М. Т.

⁸ Все цитаты приводятся по: Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. ; М., 1972–1990. Первая цифра означает номер тома, вторая – страницу.

⁹ Соловьев, С. М. Изобразительные средства... С. 296.

¹⁰ Звуковая сторона, мимика, жест, интеллектуальная и нравственная подоплека.

¹¹ См.: Евнин, Ф. И. «Живопись» Достоевского / Ф. И. Евнин // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1959. – Т. XVIII. Вып. 2. – С. 131–148; Чичерин, А. В. Поэтические строй языка в романах Достоевского / А. В. Чичерин // Творчество Ф. М. Достоевского. – М., 1959. – С. 417–444; Его же: Достоевский – Искусство прозы / А. В. Чичерин // Достоевский – художник и мыслитель. – М., 1972. – С. 266–275; Чирков, Н. М. О стиле Достоевского / Н. М. Чирков. – М., 1964; Ригина, Т. Ю. Художественные приемы Достоевского-портретиста : «Униженные и оскорбленные» / Т. Ю. Ригина // Филол. науки. – 1985. – № 6. – С. 16–21; Спивак, М. Л. Дисгармония и ее виды в портретных зарисовках Ф. М. Достоевского / М. Л. Спивак // Портрет в художественной прозе. – Сыктывкар, 1987. – С. 25–35; Зыховская, Н. Л. Портрет / Н. Л. Зыховская // Достоевский : эстетика и поэтика : словарь-справочник. – Челябинск, 1997. – С. 196–199.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. ; М., 1972–1990.
2. Евнин, Ф. И. «Живопись» Достоевского / Ф. И. Евнин // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1959. – Т. XVIII. Вып. 2. – С. 131–148.
3. Зыховская, Н. Л. Портрет // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск, 1997. С. 196–199.
4. Ригина, Т. Ю. Художественные приемы Достоевского-портретиста : «Униженные и оскорбленные» / Т. Ю. Ригина // Филол. науки. – 1985. – № 6. – С. 16–21.
5. Соловьев, С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского / С. М. Соловьев. – М., 1979. – 352 с.
6. Спивак, М. Л. Дисгармония и ее виды в портретных зарисовках Ф. М. Достоевского / М. Л. Спивак // Портрет в художественной прозе. – Сыктывкар, 1987. – С. 25–35.
7. Чирков, Н. М. О стиле Достоевского / Н. М. Чирков. – М., 1964.
8. Чичерин, А. В. Достоевский – Искусство прозы / А. В. Чичерин // Достоевский – художник и мыслитель. – М., 1972. – С. 266–275.

9. Чичерин, А. В. Поэтический строй языка в романах Достоевского / А. В. Чичерин // Творчество Ф. М. Достоевского. – М., 1959. – С. 417–444.